

— Очевидно, что у тебя на душе беспокойно, хотя я и не знаю, что именно тебя тревожит, — Ив не стала задавать прямых вопросов. — Вы выглядите немного утомленной, госпожа. Не желаете вернуться в свою комнату и отдохнуть?

— Не твоё дело.

— Но в мои обязанности как вашей личной горничной входит забота о вашем состоянии.

Вивьен с раздражением цокнула языком, резко развернулась и встала лицом к Ив. Она не стала осыпать её привычными колкостями, а лишь попыталась подавить её холодным, пристальным взглядом.

Снова это. Опять эти фальшивые расспросы о самочувствии. Она слышала такое слишком часто.

В глазах Вивьен теснились чувства, и это была не просто злость:

— Хватит разыгрывать из себя заботливую. Не суй нос не в своё дело.

— Вы правы, — спокойно ответила Ив, — но забота о вас — моя работа, независимо от того, искренна она или нет.

— Красиво говорить каждый умеет, — Вивьен отвела взгляд, уставившись на кусты роз. Она невольно вспомнила о давлении, которое, словно лианы, душило её, не давая вздохнуть.

Голос Ив вернул её к реальности:

— Если у вас на душе тяжело, а я оказалась рядом, то выслушать вас — тоже часть моей работы. Вам не обязательно нести этот груз в одиночку.

— Да кто ты такая?! — Вивьен резко перешла на крик. — Ты всего лишь горничная, человек, который находится здесь только потому, что её сюда приставили! Какое тебе дело до моих проблем?!

В воздухе повисла тишина. Вивьен даже не заметила, как у неё на глазах выступили слёзы.

Почему она вдруг сорвалась? Причина была ясна: Ив задела больное место. Вивьен отчаянно нуждалась в ком-то, кому можно было бы выговориться, но гордость и врождённое высокомерие мешали ей открыться.

Хотя в доме и не было запрета на общение, смельчаков, готовых попытаться пробить эту стену, до сих пор не находилось.

Ив почувствовала, что её добрые намерения восприняли в штыки, но она дала слово старшей горничной, что не подведёт, а нарушать обещания она не привыкла.

В конце концов, ей не впервой было возиться с детьми. Даже самые упрямые рты имеют свои уязвимые точки. Это было хлопотно, но Ив никогда не боялась трудностей.

Ив совершила поступок, удививший Вивьен: она медленно опустилась на корточки, чтобы оказаться ниже уровня глаз госпожи.

Подняв взгляд, она произнесла ровным голосом:

— Можете не считать меня тем, кому вы изливаете душу. Просто представьте, что я — лишь безмолвный свидетель, который никому ничего не передаст.

— Когда закончите, вы можете остаться собой, а я продолжу заниматься своими делами.

Вивьен застыла. В этих словах не было ни льстивой заботы, ни фальшивых обещаний, которые ей так надоели, — даже попытки сблизиться не было.

Ив просто очертила границы: она здесь, она готова выслушать, а после всё останется по-прежнему.

Эта безжалостная прямота неожиданно смягчила упрямое сердце Вивьен. Это означало, что она может безопасно выпустить пар, не столкнувшись с ненавистной жалостью или сочувствием.

Ветер тихо шелестел листвой, густо пахло розами.

Вивьен закусил губу, пальцы сжали подол дорогого платья. Прошло немало времени, и когда Ив уже решила, что госпожа снова перейдет на крик, Вивьен устало заговорила сама с собой:

— Они все... им всем нужна только мисс Хассейн.

— Учитель этикета требует от меня грации и безупречности, отец — выдающихся успехов, чтобы не позорить семью. А гости на банкетах... они видят только фамилию Хассейн.

Голос Вивьен был тихим, но речь становилась всё более плавной. Казалось, эти слова были заперты внутри слишком долго, и, найдя подходящий момент, они невольно вырвались наружу.

Даже тоска по матери стала стандартом.

Я обязана играть на пианино так же искусно, как мать. Обязана любить садоводство, как мать. Обязана быть такой же, как она...

Она запнулась:

— Мне кажется, я всю жизнь только и делаю, что становлюсь той, кем должна быть.

Она никогда не говорила этого вслух. Нельзя было признаться строгому отцу, нельзя было сказать занятым слугам, и уж точно нельзя было открыться тем, кто крутился вокруг семьи ради собственной выгоды.

Но теперь она призналась в этом горничной — той, у которой вечно не было выражения на лице и которая была холодна, как мертвец.

Как только слова были сказаны, её накрыло волной стыда и раскаяния. Как она могла показать такую слабость?

Вивьен резко замотала головой:

— Ты... забудь всё, что услышала! Не смей никому рассказывать! И не смей... не смей думать обо мне...

— Что именно думать, госпожа? — Ив наконец подала голос, хотя слушала очень внимательно.
— Что вы обычный человек, которого тяготят завышенные ожидания окружающих?

Вивьен замерла. В доме Хассейн слово обычный было синонимом провала.

— Разве это непростительный грех? — Ив поднялась с колен. — Стремление к совершенству — ваш путь, но усталость от него — тоже реальность. Эти две вещи могут сосуществовать.

— Как и розы в саду. Если заставлять их цвести без передышки, они завянут гораздо быстрее.

— Я... — Вивьен открыла рот, не зная, что ответить.

— Госпожа, — Ив прервала её раздумья, впервые за всё время едва заметно улыбнувшись, — вы устали?

Устала ли она?

Вивьен повторяла этот вопрос про себя тысячи раз. Конечно, она устала. У неё возникали мысли всё бросить, но обстоятельства вынуждали двигаться дальше.

Она промолчала. Поколебавшись, всё же слегка кивнула, не решаясь встретиться с Ив взглядом — она боялась увидеть жалость.

Ив тихо рассмеялась. Что ж, теперь дело пойдет проще. Как говорится, нужно уметь сочетать труд и отдых. К чему учиться до изнеможения, если нельзя даже получить удовольствие от жизни?

— Способов расслабиться много. Как насчет самого простого: выйти прогуляться?

Едва эти слова прозвучали, глаза Вивьен засияли, но тут же потухли. Она пробормотала себе под нос, словно не зная, к кому обращается:

— Легко сказать... Ты думаешь, я свободна? Отец не разрешает мне выходить без веской причины и сопровождения.

— Не забивайте голову пустяками. Вы просто скажите: хотите прогуляться, чтобы развеяться?

Ц!

У Вивьен были все основания подозревать, что эта девица издевается. Она же прекрасно знает, что это невозможно! К чему спрашивать?

Она привыкла отдавать приказы и принимать просьбы, но очень редко ей приходилось прямо говорить о том, чего она хочет на самом деле. Образ капризной девчонки сейчас казался неуместным, но он лучше всего описывал её состояние.

Вивьен посмотрела на Ив, отвела взгляд, закусил губу и после нескольких секунд борьбы нехотя призналась:

— ...Хочу.

— Тогда идем.

— Эй! Ты что творишь?! — Вивьен широко распахнула глаза и, словно от удара током, выдернула руку, которую та успела перехватить, пряча её за спину.

Ив невозмутимо пояснила:

— Веду госпожу гулять.

— Ха?! — Вивьен посмотрела на неё как на сумасшедшую. — Ты что, забыла, что я говорила о свободе? Охранники у ворот — люди моего отца. Как ты собираешься убедить их выпустить меня?

Она думала, что это лишь пустые слова, но Ив не собиралась отступить и даже не придавала значения её словам, продолжая смотреть на Вивьен с тем же выражением, что и на умалишенную.

— Что это за взгляд?!

— Госпожа... вы когда-нибудь лгали?

Вивьен пришла в ярость, её щеки вспыхнули:

— Конечно, я... я имела в виду, что такие вещи...

Ив щелкнула пальцами:

— Сейчас нам нужен разумный предлог.

Она слегка приподняла подбородок, указывая на главный дом:

— Вы сегодня закончили урок игры на фортепиано раньше времени, и у вас плохое настроение. Это факт.

— Например... можно сказать, что мы едем в магазин семейного партнера, чтобы лично выбрать новые ноты.

— Звучит куда лучше, чем [мне просто хочется погулять], не так ли?

— Но... — Вивьен всё ещё сомневалась. — Охранники могут потребовать подтверждения или сообщить старшей горничной, чтобы та распорядилась насчет экипажа и сопровождения...

— Поэтому нам нужно действовать уверенно, — Ив говорила ровно, но было видно, что она всё продумала. — Вам нужно вернуться в комнату, переодеться в повседневную одежду для выхода, а когда охранники спросят, просто своим привычным тоном сообщить о планах.

— Надеюсь, мне не нужно учить вас, как пользоваться своим положением?

— Конечно, нет! — Вивьен выпрямилась, уперла руки в бока и гордо ответила.

Ив кивнула и посмотрела на себя:

— Что касается сопровождения, то присутствие личной горничной вполне естественно. Скажите, что поездка короткая, в знакомый магазин, и не нужно устраивать шум. Тон должен быть утвердительным, не давайте им повода сомневаться.

— А это правда сработает? Я никогда так не делала, — Вивьен снова начала нервно теребить пальцы.

— У вас всё получится, госпожа. Вы просто собираетесь сделать то, что подобает дочери семьи Хассейн.

Эти слова стали ключом, отпершим замок в душе Вивьен. Нет, она не хочет оставаться здесь. По крайней мере, не сегодня.

— Дай мне десять минут! — бросила она и, не оглядываясь на Ив, быстрым шагом направилась к своей комнате в главном доме.

По идее, подбор одежды — это работа личной горничной, но эта девчонка исчезла так быстро, что Ив даже не успела ничего сказать.

Десять минут спустя. У главных ворот поместья «Рассвет».

Вивьен переоделась в красно-черное платье, которое гармонировало с цветом её волос. Наряд был выполнен в элегантном готическом стиле, на голове красовалась маленькая шляпка с вуалью в тон, в руках — сумочка.

Она слегка приподняла подбородок, сохраняя привычное холодное выражение лица.

Ив следовала за ней в полушаге, держа в руках зонтик. Она была в своей обычной форме горничной, выглядя как стандартная служанка.

Двое высоких охранников в костюмах, стоявшие у ворот, увидев хозяйку, тут же поклонились:

— Госпожа.

Вивьен, не замедляя шага, величественно произнесла:

— Я направляюсь в музыкальный магазин за новыми нотами, а затем зайду в лавку фарфора выбрать посуду. Она пойдет со мной.

Один из охранников поднял голову и осторожно спросил:

— Госпожа, не нужно ли подготовить автомобиль и выделить двоих охранников для сопровождения? Господин приказал, чтобы вы, если выходите, обязательно...

— Не нужно, я скоро вернусь, — перебила она его тоном, полным нетерпения, как если бы речь шла о какой-то пустяковой просьбе.

Видя её решимость и вполне логичную причину, охранник замялся. Сопровождение из одной лишь личной горничной казалось ему недостаточным, но веских причин для отказа не было.

Пока он колебался, Ив сделала шаг вперед и бросила на него спокойный взгляд. Её красные глаза словно говорили: «Приказ госпожи, исполняйте».

В конце концов, охранник кивнул и отошел в сторону, освобождая проход.

Как только они отошли достаточно далеко, чтобы скрыться из виду, плечи Вивьен, до этого напряженные, наконец расслабились.

Она с облегчением выдохнула и оглянулась на непривычный пейзаж поместья, уставившись в одну точку.

Она действительно вышла.

Без бесконечных докладов, без толпы сопровождающих.

Ив сохраняла спокойствие, но когда взгляд Вивьен упал на неё, она почувствовала это и повернула голову.

Их взгляды встретились. Ив ничего не сказала, лишь коротко кивнула.

— Постой.

Вивьен внезапно остановилась:

— Твой зонт... разве ты не должна держать его надо мной?

— ...

— Отвечай, не прикидывайся немой.

— Прошу прощения, госпожа, но я страдаю от редкого заболевания: моя кожа не переносит прямых солнечных лучей, начинается нестерпимый зуд, — Ив солгала, не моргнув глазом, и звучало это весьма убедительно.

Вивьен ничего не ответила, лишь продолжала пристально смотреть на неё. Она верила, но,

возможно, это была ложь, и она пыталась найти изъясн в выражении лица горничной.

Результат был предсказуем: она провалилась. Вивьен почти забыла, что эта девица — словно мертвец.

— Ц...

— Есть ли место, куда вы хотите отправиться, госпожа? У нас ещё много времени, — спросила Ив.

Вивьен задумалась. Места, где она бывала раньше, ей не нравились, поэтому она хотела увидеть что-то новое.

Например...

— Можно идти куда угодно?

— Да, если вы этого желаете.

— Тогда води меня на Чёрную улицу.

— ...

Ив на мгновение лишилась дара речи. Можно ли забрать свои слова обратно или просто развернуться и уйти? Почему именно Чёрная улица?

Неужели она не знает, насколько это опасное место? Район на границе с трущобами, где орудуют банды мафии, — место, где в переулках порой пахнет разлагающимися трупами.

— Госпожа, может быть, мы...

— Что? Хочешь взять свои слова назад?! — Вивьен в мгновение ока вскипела, указывая на Ив пальцем: — Говорю тебе, даже не думай! Ты обещала показать мне город, если передумаешь, я тебя... я тебя...

Она так и не нашла, чем пригрозить, её покрасневшее личико лишь пыталось выглядеть грозно.

Ив вздохнула:

— Госпожа, там очень опасно. К тому же грязно и воняет.

Вивьен скрестила руки на груди, отвернулась и фыркнула:

— Всё равно пойду! Грязно там или опасно, я узнаю, только когда увижу сама.

Ну вот, обмануть не вышло. На лбу Ив проступила капля пота.

Разве она не должна была испугаться грязи и запаха, а потом отказаться? Почему она не играет по правилам? Разве это место для такой барышни?

Не так это должно было работать. Она должна была выбрать другой вариант диалога: передумать, сходить в цветочный магазин или попробовать свежий яблочный пирог.

— Отвечай, ты поведешь меня или нет? — Вивьен нетерпеливо топнула ногой, заметно сникла и пробормотала себе под нос: — Еле как поверила тебе... обманщица...

Ив: ?

Что за слова? Не надо говорить вещи, которые подрывают доверие. Больше всего она не терпела, когда её называли обманщицей. Как ты смеешь?! И как я могу не сделать этого?!

Ив приняла решение: в конце концов, если что-то случится, она подстрахует. Даже если возникнет опасность, унести ноги вместе с Вивьен она сможет.

Это лучше, чем позволить госпоже считать себя лгуньей или допустить, чтобы та сбежала в одиночку.

— Госпожа.

— ...Что?

— Пойдемте. На Чёрную улицу.

Вивьен мгновенно преобразилась, её глаза засияли:

— Правда?

Ив невольно подумала, что она похожа на ребенка не только фигурой, но и характером — упрямая, но её так легко порадовать.

— Правда, — подтвердила Ив, мысленно добавив: «Надеюсь, ты потом не пожалеешь».

— Тогда скорее!

Вивьен воодушевилась, даже сделала пару шагов вперед, а потом обернулась и начала подгонять Ив. В её нетерпении не осталось и следа от высокомерной, капризной барышни.

Эта черта в условиях семьи Хассейн выглядела немного... жалко.

Ив последовала за ней, держась на шаг позади:

— Дорога неблизкая, нам придется сесть на автобус, а потом ещё немного пройти пешком.

— Автобус? — Вивьен моргнула. Это слово было для неё одновременно странным и любопытным.

Она всегда передвигалась на семейном автомобиле с гербом и никогда не сталкивалась с общественным транспортом, переполненным людьми.

Ив объясняла ей дорогу, наблюдая за тем, как меняется окружение.

Они покинули тихий район поместья, здания стали плотнее, прохожих — больше, а их одежда — разнообразнее.

Полчаса спустя.

Автобус остановился на станции перед мостом, ведущим к трущобам — в старый город. Салон был переполнен.

Запах пота смешивался с ароматом дешевого табака и тяжелым духом какой-то жирной уличной еды.

Под защитой Ив Вивьен удалось выбраться наружу.

Как только её ноги коснулись мостовой, первым делом она сделала глубокий вдох, но тут же закашлялась от запаха гари и гнили, доносившегося из ближайшей сточной канавы.

Вивьен посмотрела на подол своего платья: на красной ткани появилось подозрительное серо-черное пятно.

Оно смотрелось крайне вызывающе, словно инфекция, поразившая черный подол. Её брови тут

же сошлись на переносице, а маленький носик поморщился — она не скрывала отвращения.

— Кх-кх... это место... здесь даже воздух грязный, — пробормотала она, доставая из сумочки платок, чтобы прикрыть нос и отфильтровать неприятные запахи.

Люди вокруг были одеты просто, если не сказать бедно, и спешили по своим делам, не проявляя той элегантности, к которой она привыкла.

Их взгляды были сложными, и Вивьен чувствовала себя так, будто с неё содрали защитную оболочку с надписью «дочь Хассейн», отчего по телу бежали мурашки.

Ив невозмутимо отстранила грузчика, который чуть не сбил Вивьен, и произнесла спокойным голосом:

— Госпожа, это окраина старого города. Чёрная улица ещё впереди, нужно перейти через подвесной мост.

— Если вам здесь не по себе, мы можем вернуться.

— Кто сказал, что мне не по себе?! — Вивьен тут же возразила, выпрямила спину и слегка опустила платок, хотя её милое личико оставалось напряженным. — Веди... води дальше.

Перейдя подвесной мост, они официально вошли в старый город. Солнечный свет дробился о здания, прижатые друг к другу, и большая часть территории была погружена в сырую тьму. Мостовая под ногами была разбита, в трещинах стояла грязная вода.

Чем дальше они шли, тем сильнее менялась обстановка. Вывески магазинов исчезли, их заменили небрежные надписи.

Из окон свисали бамбуковые шесты с бельем, из комнат доносились голоса и плач детей.

Вивьен замедлила шаг, сжимая платок у лица. Её глаза, всегда полные высокомерия и критицизма, сейчас были широко распахнуты.

— Э-это... это и есть Чёрная улица?

— Это ещё не центр, только окраина, — ответила Ив, выбирая переулок потише. — Здесь полно всякого сброда, госпожа, пожалуйста, держитесь ближе.

— О... о-о. — Вивьен невольно придвинулась к Ив, даже коснувшись её руки.

<http://bllate.org/book/21351/2169710>